

The background of the poster is a dark, atmospheric scene set within a gothic-style cathedral or castle. In the foreground, an elderly man with a white beard and a purple robe is shown from the chest up, looking directly at the viewer with a serious expression. Behind him, a group of characters are visible: a man in a brown cloak and hat, a man in a dark tunic holding a bow, and a man in a white tunic pointing forward. A large, bright flame is visible in the background, casting a warm glow. The overall mood is mysterious and dramatic.

Генри Лайон
ОЛДИ

БЕЗДНА
ГОЛОДНЫХ ГЛАЗ

КЛАССИКА ФИЛОСОФСКОГО БОЕВИКА

Генри Лайон Олди

Дорога

Серия «Бездна Голодных глаз», книга 1

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=144875
Бездна Голодных глаз: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52075-6*

Аннотация

...Стоит в центре арены Бог-Человек-Зверь. Молчат, затаив дыхание, трибуны. Меч и трезубец против власти Права. Время пришло, время бьет в колокола! Содрогается вложенная в мир Пустота. Время пришло; Путь проходит через нас. Предтечи – человек-тигр Оити Мураноскэ, человек-чудовище Сергей, человек-бегун Эдди, человек-дельфин Ринальдо – вехи на последнем пути Человечества. Мы превращаемся...

[Видео о цикле «Бездна Голодных глаз»](#)

Содержание

Книга I	4
Глава 1,	5
1	5
2	6
3	10
4	17
5	25
6	27
Глава 2,	38
1	38
2	43
3	46
4	50
5	55
6	56
7	61
Глава 3,	65
1	65
2	71
3	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Генри Лайон Олди

Дорога

Не мы идем по Пути, но Путь проходит через нас.

*Благими намерениями вымощена дорога в ад.
Эх, дороги...*

Книга I

Право на смерть

*Ведь некоторые не знают, что нам суждено
здесь погибнуть. У тех же, кто знает это, сразу
прекращаются ссоры.*

Дхаммапада

Жди меня. Я не вернусь.
Н. Гумилев

**Глава 1,
о любопытном Пустотнике,
проблемах и бедственном положении
бесов, а также о том, стоит ли
просто от дурного настроения
ввязываться в случайные
авантюры; с приложениями
и заметками на полях**

1

*Часть людей обольщается жизнью земной,
Часть – в мечтах обращается к жизни иной.
Смерть – стена. И при жизни никто не узнает
Высшей истины, скрытой за этой стеной.*

*Гиясатдин Абу-л-Фатх
Хайям ан-Нишапури*

Желтый песок арены, казалось, обжигал глаза. Я поморгал воспаленными веками и медленно двинулся по дуге западных трибун, стараясь оставлять центр строго по левую руку. Я был левшой. Некоторых зрителей это почему-то возбуждало.

В центре арены бесновался бес. (Хороший, однако, каламбур... не забыть бы... Аристократы ценят меткое словцо, и, похоже, сегодня вечером я выпью за чужой счет...) Бес протяжно выл на высокой, режущей слух ноте, взбрыкивал окоченными сталью копытами и без устали колотил себя в оголенную волосатую грудь. Он уже разодрал себе всю шкуру в кровь шипами боевых браслетов, и их гравировка покрылась тусклым, запекшимся пурпуром. От когтей, равно как и от хвоста, отказались еще в Старой Эре, потому что их крепления вечно ломались, когти слетали с пальцев, а хвост больше путался в собственных ногах, чем подсекал чужие. После какой-то умник придумал шипастые запястья, и тогда же ввели узкий плетеный бич с кисточкой на конце – для сохранения традиций. Новинки прижились, бич так и прозвали – «хвостом», но многие бесы все же предпочитали нетрадиционное оружие. Я, например, предпочитал, и ланисты нашей школы слова поперек не говорили... А хоть бы и говорили... Я махнул рукой в адрес впавшего в амок беса, и солнце на

миг полыхнуло по широкой поверхности моей парной «бабочки». Трибуны загудели от восторга, я незаметно поморщился и сделал еще шаг. Второй тесак болтался на поясе, и мне было лень его доставать. И так сойдет...

Скука. Скука захлестывала меня серым липким потоком, она обволакивала мое сознание, заставляя думать о чем угодно, кроме происходящего вокруг, и я ощущал ее почти физически, вечную вязкую скуку, свою и тщательно притворяющегося беса. Я шел по кругу, он ярился в центре, но зрители, к счастью, не видели наших глаз. Ну что ж, на то мы и бесы...

Я подмигнул ему – давай, брат, уважим соль земли, сливки общества, и кто там еще соизволил зайти сегодня в цирк из свободных граждан... Давай, брат, пора – и он понял меня, он легко кувыркнулся мне в ноги, стараясь дотянуться, достать рогом колено. Я сделал шаг назад, подкова копыта ударила у самой щеки, и пришлось слегка пнуть беса ногой в живот, держа клинок на отлете. Рано еще для кровушки... жарко...

Он упал и, не вставая, махнул «хвостом». Я увернулся и снова пошел по кругу.

Выкладываться не хотелось. Для кого? Игры Равноденствия еще не скоро, к нам забредали лишь ремесленники со своими толстыми сопливыми семействами, бездельники с окраин да унылые сынки членов городского патроната. Все это были солидные, полновесные граждане, у всех у них бы-

ло Право, и плевать я на них хотел.

Я облизал пересохшие губы и сплюнул на бордюр манежа. Плевков чуть ли не задымился. Бес проследил его пологую траекторию и твердо взглянул мне в лицо.

«Хватит, – одними губами неслышно выдохнул бес. – Кончай...»

Я кивнул и двинулся на сближение. Трибуны требовали своего, положенного, и надо было дать им требуемое. И я дал. Этому трюку лет сто назад меня обучил один из ланист, и исполнял я его с тех пор раза два-три, но всегда с неизменным успехом. Вот и сейчас, когда «хвост» обвинил мое туловище, я прижал его кисточку локтем и прыгнул к бесу, одновременно вращаясь, подобно волчку.

Бич дважды обмотался вокруг меня, бес не успел вовремя выпустить рукоять, и резким косым взмахом я перерубил ему руку чуть выше полосы браслета. Кисть упала на песок, бес пошатнулся, и моя «бабочка» легко вошла ему в правый бок – ведь я левша, когда сильно хочу этого. Ах да, я уже говорил...

Кровь толчком выплеснулась наружу, забрызгав мне тунику – совсем новую, надо заметить, тунику, вчера только стиранную, – хрустнули ребра, и бес стал оседать на арену. Трибуны за спиной взорвались, и в их привычном реве внезапно пробился нелепый истерический визг:

– Право! Право!..

Я обернулся. По ступенькам бокового прохода неуклюже

бежал лысый коротышка в засаленном хитоне с кожаными вставками, неумело крутя над плечью огромной ржавой алебардой. За плечом у меня хрипел бес, публика сходила с ума от счастья, а я все не мог оторваться от сопящего бегуна и проклинал сегодняшнее невезение, сподобившее в межсезонье нарваться на Реализующего Право.

Реализующий вылетел на арену, не удержался на ногах и грохнулся у кромки закрытых лож. Потом вскочил, поплюнил разбитое колено – неуместный, домашний жест вызвал глумливое хихиканье галерки, – подхватил выпавшее оружие и кинулся ко мне. Я подождал, пока он соизволит замахнуться, и несильно ткнул его носком в пах, чуть повыше края грубого хитона. Реализующий зашипел и ухватился за пострадавшее место, чуть не выколов себе глаз концом алебарды. Не так он себе все это представлял, совсем не так, и соседи не то рассказывали, а я не хотел его разубеждать.

Я повернулся и направился за кулисы. Мой горожанин моментально забыл о травме и зарысил вслед, охая и собираясь треснуть меня по затылку своим антиквариатом. И тут за ним встал мой утренний бес. Ремешок на его ноге лопнул, копыто отлетело в сторону, и, припадая на одну ногу, он казался хромым. Хромым, живым и невредимым.

Каким и был.

Никто и никогда не успевал заметить Момент Иллюзии. Правым кулаком – кулаком отрубленной мною руки – бес с хрустом разбил позвоночник Реализующего Право; и лишь

распоротая туника беса напоминала об ударе тесака, сорвавшего аплодисменты зрителей.

Реализующий подавился криком и сполз мне под ноги. Я посмотрел на ухмыляющегося беса и отрицательно покачал головой. Бес пожал плечами и склонился над парализованным человеком. Шип браслета погрузился в артерию. Реализующий дернулся и начал остывать.

Я подобрал алебарду и поднял глаза на неистовствующие трибуны. Все они были свободные люди, все они имели Право. Право на смерть. Все – кроме нас. Мы не имели. Мы – бесы. Бессмертные. Иногда – гладиаторы, иногда – рабы на рудниках. Низшая каста. Подонки.

3

Казармы, как обычно, пустовали. Больше часа я просидел в термах, смывая с себя пыльную духоту цирка, рассеянно разглядывая край крохотного одинарного бассейна, облицованного пористой лазурной плиткой; вода мягко пыталась растворить в своей благодати мое нынешнее смутно-беспокойное состояние, пыталась – и не могла. Такое повторялось со мной каждую осень, в ее солнечном желтеющем шелесте, повторялось давно... вот уже... много, очень много лет. Я не помнил – сколько. И чай остыл в чашке. Совсем остыл...

В шкафчике отыскалась свежая туника, на плече защелкнулась узорчатая пряжка длинной, волнистой накидки без

форменных знаков различия, которые неизменно спарывал самый зеленый бес... В принципе вольности такого рода должны были бы наказываться, но на бесовские причуды предпочитали смотреть сквозь пальцы. Да и много ли наказаний для беса? Немного. Если не считать вечности... Немного – но есть.

Есть.

Во дворе школы, на скамеечке под одиноким мессинским кипарисом сидел старший ланиста Харон. Невидящим взглядом он уставился себе под ноги, и тонкий прутик в руке его все вычерчивал один и тот же зигзаг между подошвами сандалий Харона. Жесткие, совершенно седые волосы ланисты резко контрастировали с взлохмаченными черными бровями. Я не входил в каркас Харона, но был знаком с ним вот уже сорок... нет, сорок два года. Капля в протухшем море моей жизни... А до того я знал его отца. Это я на XXXIII Играх Равноденствия убил ланисту Лисиппа, отца ланисты Харона. И Харон со дня совершеннолетия был вечно признателен мне за это, хотя знал о случившемся лишь от бесов и матери – слишком мал он был, слишком...

Профессия ланист передавалась по наследству, секреты владения фамильным оружием хранились в строжайшей тайне, открываясь лишь детям по мужской линии, ну и «своим» бесам – и не зря ланист звали Заявившими о Праве. Каждый из Отцов казарм набирал группу, или, как говорили сами ланисты, «каркас», из девяти-тринадцати гладиаторов

(обязательный нечет), и начиналось ежедневное изнурительное учение. В каркас поступали либо новоприсланные бесы – «почки», либо освищенные публикой – «пищики».

Мы, «ветки» и «листья», в регулярных уроках уже не нуждались и комплектовались в особые бенефисные подразделения, но некоторые из нас оставались у полюбившегося ланисты в подмастерьях, или начинали от сосущей тоски гулять из каркаса в каркас, или даже пытались сменить школу. А потом наступал срок очередных Игр. И ланиста выходил в круг трибун со своими питомцами.

Он поворачивался лицом к закрытым ложам, кланялся гербовой ширме Верховного Архонта... В следующее мгновение Заявивший о Праве брался за оружие – единственный смертный в бессмертном каркасе.

Единственный свободный среди рабов.

Он искал ученика, превзошедшего учителя, и если такой находился, то ланиста оставался на загустевшем песке, а у школьного алтаря ставили новый жертвенный камень, и гордая душа Реализовавшего Право на смерть уходила в синюю пустоту, уходила, не оборачиваясь, и плащ чести бился за плечами... Его ждала почетная скамья за столом предков. Нет, ты не был трусливой собакой, львом ты был среди яростных львов...

Я до сих пор помню тело Лисиппа, вольно раскинувшееся мощное тело с трезубцем под левым соском. Он сам подарил мне древний кованый трезубец с полустершимся клеймом,

он учил меня держать его в руках, он верил мне... После я хотел вернуть трезубец матери Харона, еще позднее я силой всунул его в руки юного Харона, но он поцеловал древко и вернул мне отцовское наследство с ритуальным поклоном. Больше я никогда не прикасался к трезубцу ланисты Лисиппа и всегда жег бумажные деньги на его камне в годовщину памятных Игр.

Я знал, что многие бесы, видя это, недоуменно пожимают плечами, но последние годы меня мало интересовало мнение окружающих. Оно потеряло значение с момента удара, вызвавшего улыбку Лисиппа и кровавую пену на его улыбающихся губах.

Я завидовал ему. Я завидовал чужой свободе.

К тому же с этого дня у меня начались припадки. Первый приступ вцепился в мое измученное боем сознание прямо у выхода с арены, и бесы готовящегося каркаса долго хвастались потом, сколько усилий потребовалось им для скручивания юродивого Марцелла. Нет, не Марцелла... Как же меня звали тогда? Впрочем, какая разница... В общем, бился я в падучей, как укушенный семиножкой, в рот мой совали кучу предметов, не давая откусить язык. А потом все внезапно прошло – и я сел, ошалело глядя на потные лица окружающих.

Инцидент списали на жару и мои тесные отношения с Лисиппом. А я все вспоминал острый запах канифоли в коробке у занавеса, от которого в моем мозгу и встала черная вол-

на, несущая в гулком ревущем водовороте лица, имена и события. Позже я научился предвидеть приход болезни, прятаться от назойливых глаз и длинных языков; прятаться и молчать.

Я никогда не рассказывал им, где был я и что видел, пока они держали кричащее выгибающееся тело. Я и себе никогда не позволял задумываться над этим. Усталость, канифоль и сухой несмолкающий шелест, возникавший у меня в голове, словно тысячи змей или осенние листья под ветром...

Я просто знал – это те, которые Я. Это они. И уходил от ответа.

– ...Привет, Харр! – сказал я, усаживаясь рядом.

– Привет, – не поднимая головы, кивнул он.

Я знал, что могу называть Харона уменьшительным, домашним именем, но сегодня это прозвучало донельзя некстати.

– Мне скучно, бес, – хмуро бросил Харон, ломая свой прут. – Скоро Игры, а мой каркас не способен даже сорвать свист с галерки. Я никудышный ланиста. Ноздри глупого Харона забиты песком арены, и им никогда не вдохнуть чистого воздуха Ухода.

Я улыбнулся про себя. Никогда... Что смыслишь ты в этом, свободный человек? Ветер взьерошил плотную крону кипариса, и я с наслаждением глотнул ненадежную прохладу.

– Не болтай ерунду...

Я тронул плечо ланисты, и он машинально повернулся ко мне – словно осенний лист незаметно спустился на задумавшегося человека, и человек не может понять – было прикосновение или нет.

– Не болтай ерунду. Ты прекрасный ланиста. Лучший из... из ныне живущих. И ты не виноват в бездарности своих «пищиков». Набери новый каркас. А этих...

– А этих отправь на рудники, – тихо сказал он, избегая встречаться со мной глазами. – Это не твой совет, Марцелл. Это скользкая жалость прошипела чужим голосом. Человек с твоим именем не должен давать таких советов.

Меня звали Марцелл. Вернее, так раньше звали одного рыжего веснушчатого беса, который так умел поднимать настроение в казармах, что даже Кастор, самый старый из нас, вечно сонный и просыпавшийся лишь перед выходом на арену, – даже замшелый Кастор улыбался, попадая под Марцеллово обаяние.

Мы делили с ним комнату, и только я знал, что веселый Марцелл стал пропадать по ночам и приходить пьяным, я протаскивал его через окно в спящие казармы... а потом он исчез.

Он исчез во время дежурства Харона – тогда еще совсем молодого и незнакомого с хандрой. Они долго говорили в темном коридоре, после я услышал крик Марцелла и топот ног. Он не появился на следующий день, он не появился через месяц, и тогда на утренней поверке я вышел из строя и

сказал Претору школ Западного округа:

– Меня зовут Марцелл. С сегодняшнего дня. Разрешите встать в строй?

И встал в строй, не дожидаясь разрешения. Поправляя сползший пояс, я поймал на себе взгляд Претора и другой, недоверчиво-нервный взгляд Харона, и понял, что шагнул в недозволенное. Как давно был тот день... Как недавно он был.

(Был. Быть. Буду. Дурацкое слово. Быть или не быть... А если нет выбора?!)

...Мы помолчали. Ветер осторожно ходил по двору, огибая нашу скамейку, ветер хотел вступить в беседу, но все не решался; и тишина отпугивала робкий осенний ветер.

Не нужно, Харон, молчал я, всякое бывает... Оступись – случайно, поступишь – хоть чем-то, никто не заметит, не поймет, они слепы, и лишь завизжат, когда жало изящно впишется в счастливое тело, выпуская тебя на волю...

Спасибо, бес, молчал Харон, я люблю тебя, лучший убийца из созданных отцом моим... Спроси у учителя своего – пошел бы он на такой путь, продал бы звон имени за купленный ложью Уход?.. Спроси, бес...

Хочешь, молчал я, я выйду на арену в твоём каркасе, хочешь? – ты же знаешь, что я могу...

Да, молчал он, ты можешь... Я – не могу. Пойми, бес... прости, бес... пойми...

Я поднялся и направился к выходу со двора. На ноге сла-

бо звякнули узкие медные обручи – в случае необходимости ими можно будет расплатиться в городе. У самых ворот меня догнала фраза, брошенная вслед Хароном:

– Тебя искал Пустотник. Не наш. Чужой. Среди тех, кто поставляет бойцов в школы Западного округа, его лицо никогда не появлялось.

– Никогда? – безучастно переспросил я.

– Никогда на моей памяти, – поправился Харон. – Я сказал, что ты на арене.

– Хорошо, – ответил я и вышел на пропыленную улицу. Беспокойство прошмыгнуло в собачий лаз под забором и, озираясь, затрусило за мной.

4

Когда на беса находило и все его поведение начинало излучать некую заторможенную растерянность, словно нашел бес то, что давно искал, а оно оказалось совершенно ненужным и вдобавок сломанным, – бес зачастую сбегал из школы и поселялся где-нибудь на отшибе, в полном одиночестве. Он забирался на Фризское побережье или в отроги гор Ра-Муаз, строил там грозящую рухнуть развалюху и сутками сидел на ее пороге. Горожане говорили про таких – «ушел в кокон», и очень сердились, когда пропадал боец, на которого были сделаны крупные ставки. Начальство, выслушав донесение об очередной самоволке, лишь поднимало брови и

равнодушно сообщало: «Перебесится – вернется...»

И обычно...

Обычно начальство оказывалось право, хотя мы молча чувствовали, что из кокона не возвращаются такими, какими ушли. И именно вернувшиеся бесы первыми срывались на досадных мелочах, или кидались в амок прямо на улицах, или поддавались на уговоры разных извращенцев, чье Право жгло им руки, – в основном, кстати, женщин. Свободных женщин, потому что я никогда не видел беса-женщину...

Я не понимал самозванных отшельников. Да и отшельничество их было каким-то неправильным, надуманным, истеричным – хотя я и не знал, каким должно быть настоящее... Когда осеннее половодье захлестывало меня, подкапывая под горло, – я шел в город. Протискивался через тесноту переулков, плыл в сутолоке базаров, мерил шагами плиты набережной...

Один среди многих, ненужный среди равнодушных, и мне начинало казаться, что я один из них, свой, свободный; что я тоже умру, шагну в никуда и сам выберу день и способ; что я волен выбирать, отказываться или соглашаться... Наивно – да, глупо – конечно, ненадолго – еще бы, но... Дышать становилось легче. А в одиночестве я, наверное, захлебнулся бы сам собой. Человек не должен быть один. Если я – человек. Если я могу быть.

– Ты чего! Чего! Чего ты... – забормотал мне прямо в ухо отшатнувшийся кряжистый детина в замызганном бордовом

переднике. Видимо, задумавшись, я случайно толкнул его, и он воспринял это как повод к скандалу. Бедный, бедный... плебей, чье Право придет слишком не вовремя, когда руки станут непослушны, и городской патронат зарегистрирует совершеннолетие детей, а более удачливый сосед в обход очереди сбежит в небо, как сделал это утренний коротышка с ржавым топором... Жена небось пилит, стерва жирная...

Я извинился и пошел дальше. Он остался на месте с разинутым ртом и долго еще глядел мне вслед. По-моему, извинение напугало его еще больше. Завтра он явится в цирк и будет надрываться с галерки, забыв утереть бороду.

Таверна была открыта. Всякий раз, когда я разглядывал огромную вывеску, где красовалась голая девица с искаженными пропорциями, а над девицей каллиграфическим почерком была выписана надпись «Малосольный огурец», – всякий раз мне не удавалось сдержать улыбку и недоумение по поводу своеобразной фантазии хозяина. Весь город знал, что хозяин «Огурца» – философ, но это не объясняло вывески. Впрочем, я приходил сюда не за философией.

...Округлость кувшина приятно холодила ладони. В углу ссорилась компания приезжих крестьян, но ссора развивалась как-то вяло и без энтузиазма. Просто кто-то называл сидящего рядом «пахарем», а тот прикладывал к уху руку, сложенную лодочкой, и на всякий случай сипел: «Сам ты!.. Сам ты, говорю!.. А?..»

Я проглотил алую, чуть пряную жидкость и вдохнул через

рот, прислушиваясь к букету.

Задним числом я никак не мог избавиться от фразы, брошенной Хароном. Меня искал Пустотник. Незнакомый. Зачем? И почему он ушел, не дождавшись?!

Пустотники поставляли гладиаторов в школы всех округов. Никто не знал, где они их брали. Вернее, где они брали – нас. Бес на дороге не валяется... Значит, места знать надо.

Вот Пустотники и знали. С виду они были такие же, как и мы, а мы были такие же, как все. Но ни один бес с завязанными глазами не спутал бы Пустотника с человеком или другим бесом. Годы на арене, века на арене – и тебе уже необязательно видеть стоящего напротив. Ты приучаешься чувствовать его. Вот гнев, вот ярость, вот скука и желание выпить... Вплоть до оттенков. А у Пустотников все было по-другому. Стоит человек, толстенький иногда человек или горбатенький, а за человеком и нет-то ничего... Вроде бы поверху все нормально, интерес там или раздражение, а дальше – как незапертая дверь. Гладишь по поверхности, гладишь, а ударишь всем телом – и летишь, обмирая, а куда летишь, неизвестно...

Не чувствовали мы их. Самым страшным наказанием для манежного бойца была схватка с Пустотником. Я ни разу не видел ничего подобного, да и никто из нас не видел, не пускали туда ни бесов, ни зрителей, но зато я видел бесов, сошедших после этого с ума. Буйных увозили, сомнамбул увозили тоже, а тихим позволяли жить при казармах. Комнату

не отбирали даже... Вроде пенсии.

Они и жили. И бес, задумавший неположенное, глядел на слоняющееся по двору бессмертное безумие, вечность с лицом придурка, затем бес чесал в затылке и шел к себе. Уж лучше рудники...

Я внимательно пролистал ближайшее прошлое. Вроде бы никаких особых грехов за мной не числилось, приступов тоже давненько не случалось... Тогда в чем дело? И почему надо лично приходить, когда достаточно вызвать через Претора или и того хуже – через канцелярию Порченных... Недоговаривал чего-то Харон, ох недоговаривал! То ли меня жалел, то ли сам не уверен был...

Я отпил вина и прижался к кружке щекой.

– Не занято?

Я и не заметил, как она подошла. Пожилая высокая женщина, даже весьма пожилая, одета скромно, но дорого, есть такой стиль; осанка уверенная, только не к месту такая осанка в «Огурце»-то...

– Свободно, – сказал я без особой вежливости. – И вон там свободно, и там... Почти все столы пустые. Так что рекомендую.

– Благодарю. – Она, не сморгнув, непринужденно уселась напротив и потянулась за кувшином. За моим кувшином, между прочим... Широкий рукав льняного гиматия сполз до локтя, и я заметил литое бронзовое запястье с незнакомым узором. Кормилица чья-то, что ли, до сих пор оставшаяся в

фаворе? Варварский узор, дикий, не городской...

– Хорошее вино, – сообщил я. – Дорогое. Очень вкусное, но очень дорогое. Если не верите, спросите у пахаря. Крайний стол у двери. Кстати, у них свободны два табурета.

– Отличное вино, – подтвердила она с еле заметным акцентом, и слой белил на сухом остром лице дрогнул, придавая женщине сходство с площадным жонглером. – Только эти невоспитанные селяне предпочитают недобродившую кислятину. А я в последнее время люблю сладкое.

Игривость тона вступала в противоречие с возрастом. Я промолчал, разглядывая сучки на столешнице, и внутренне прислушался. Что ж ты хочешь от меня, неискренняя гостья? Чего ты так сильно хочешь от меня, что зябко кутаешься в притворство и болтовню, и все равно я слышу легкий аромат опаски пополам с настороженностью...

– Я тоже, – ответил я. – Я тоже в последнее время предпочитаю сладкое. Последние двести семь лет, старая женщина, я всегда предпочитаю сладкое.

Я пристально посмотрел на нее, ожидая дрожи насурьмленных век, брезгливости жирно намазанного рта, отстраняющего жеста высохшей руки... Стоп, бес, неужели ты начал завидовать приметам времени?.. Не надо, не тот случай... Люди не любят себе подобных, а уж подонок-бес наверняка не вызывает особых симпатий. Мы хороши на арене и в сказках... Сколько легенд доводилось мне слышать о ночных похождениях нашей касты, и губы бесов щедро пачкались чу-

жой кровью, и выли изнасилованные красавицы, а на заднем плане обычно изображался черный Пустотник – внимал, ухмылялся и ждал...

Чего ждал? Конца сказки?

Впервые понял я, что людская молва объединяет нас в одной упряжке, – и это покорило меня. Интересно, я смогу сегодня расслабиться?..

– Можете, – заявила ненормальная старуха и залилась смехом. Чужим каким-то смехом. Краденым. – Вы говорили вслух, – поспешно добавила она, подливая мне в кружку. – Это у вас часто?

Вопрос прозвучал на удивление серьезно.

– Нет. Это я готовился к нашей встрече.

– Ладно. Допустим... Пойдемте со мной. У меня есть место, куда я вас отведу, и дело, на которое вы могли бы согласиться.

Она поднялась и тут же отлетела прямо ко мне на колени. Оказывается, ругань за соседним столом успела перерасти в такую же унылую потасовку, и выпавший из свалки пахарь сшиб с ног мою работодательницу.

Я тщательно прицелился и пнул невежу в объемистую округлость, выпиравшую у него сзади. Он крикнул, вернулся вперед головой в лоно драки, но через мгновение уже несли ко мне, набычившись и извлекая из-за пазухи самодельный нож.

– Ах ты... – проревел взбешенный пахарь и осекся, тщет-

но подыскивая нужное слово. — Ты и твоя... да я тебя...

Нет, слов ему положительно не хватало.

— Ты меня, — подбодрил я пахаря, — ты меня, и ее, и вообще всех нас... Дай сюда ножик.

Как ни странно, он повиновался. Я взял нож, передвинул с колен на лавку притихшую женщину и положил ладонь на стол. Потом примерился и поднял клинок, держа нож в правой руке.

— Ты меня вот так, — сказал я, с хрустом отхватывая левый мизинец. — И еще вот так...

Указательный палец свалился на пол.

— А потом...

А потом наступил момент Иллюзии. Я только успел заметить, как стекленеют и расплываются обрубки: один — на столе, другой — на полу. Я перекинул нож в левую руку, крепко сжал лезвие всеми пятью положенными пальцами, сжал так, что проступила кровь, — и вернул нож окаменевшему владельцу.

— Все? — поинтересовался я. — Иди воюй дальше...

До определенных пределов мы ощущали боль так же, как и все. Но с какого-то невидимого рубежа боль превращалась в цвета и звуки. Например, отрубленную голову я воспринимал как ярко-кобальтовую вспышку под гул накатывающегося прибоя; вспоротый живот — огненный закат, растворяющийся в истощном собачьем лае; ожог — зелень лавра, доходящая до дрожи, и...

И сразу же, не давая осознать, взглядеться, вслушаться, — момент Иллюзии. Из-за него я частенько чувствовал себя ненастоящим. Что-то отсутствовало во мне, некая основополагающая часть, и временами это доводило меня до исступления.

Я хотел Права. Права на смерть. Или хотя бы на боль.

— Пошли, — негромко сказала женщина, и я послушно потянулся за ней из винной духоты таверны «Малосольный огурец». Девушка на вывеске долго смотрела мне вслед, и, сворачивая за угол, я помахал ей рукой.

5

Недалеко отсюда, всего в четырех кварталах, ланиста Харон сцепил руки за спиной, чтобы скрыть предательскую дрожь.

— Его нет, — сказал ланиста Харон, откашлявшись. — Ушел в город.

И снова откашлялся.

— Ушел в город, — бесцветно повторил стоящий перед Хароном тощий человек, плотнее запахивая свой синий блестящий плащ. — Хорошо. Передайте ему, что я зайду позже.

— А вы не ошиблись? — поинтересовался ланиста чрезмерно спокойным голосом. — Мало ли что...

— Нет. — Синий плащ зашелестел в подкравшемся любопытном ветре. — Нет. Как его зовут? Марцелл? Нет, я не

Приложение I

(Кодекс Веры, глава о Праве)

II. 12. Право на смерть является неотъемлемым правом всякого свободного гражданина, независимо от расы, пола и личных культовых отправления, и обеспечивается самим существованием государства и его институтов власти.

II. 13. Реализация Права гражданами, включая клан Верховного Архонта, осуществляется при соблюдении возрастного и сословного ценза; разрешение на личную реализацию выдается канцелярией совета Порченных жрецов в явочном порядке, и более никем.

II. 14. Реализация Права на смерть, сопряженная с нарушением закона, влечет за собой наказание посмертно, в виде разрушения домашнего жертвенника и наложения клейма на место захоронения, а также отсрочку Реализации Права родственниками виновного по трем коленам обеих родительских линий.

II. 15. Узурпация Права вплоть до насильственной Реализации чужого Права на смерть (см. главу об Умерщвлениях, параграф «Убийства ритуальные, случайные и прочие») ка-

рается пожизненным заключением в Казематы Входящих без подачи апелляции. Каждый случай подлежит отдельно-му рассмотрению должностными лицами соответствующей компетенции.

II. 16. Состоящие при окружных школах гладиаторы, равно как им подобные, сосланные на оловянные и иные рудники, а также лица, числящиеся в розыске и имеющие неограниченный срок существования, Правом на смерть не обладают, что лишает их возможности получения гражданства.

6

Запах грядущего разложения назойливо сквозил в окружающем великолепии; томный, сладковатый привкус, зовущий расслабиться, смежить веки, не сопротивляться... Деревья встревоженно шелестели листвой и переглядывались. Деревьям было страшно.

Мы долго плутали в лабиринте центральных улочек, подобно песчаным эфам, скручивающимся в плотный брачный клубок. Я чувствовал, как моя проводница старательно кружит вокруг того вожаемого и одновременно запретного района, где жили немногие, кому позволены были белые покрывала и терракотовые диадемы. Знатный район, тщеславный, влиятельный, и я уже когда-то бывал в нем, не вынеся ничего, кроме горечи и вязкой слюны во рту. Налево, напра-

во и снова налево...

Нам пришлось дать приличный крюк, огибая корпуса Паучьей центурии – полурелигиозной военизированной части, в рекруты которой набирались исключительно свободные граждане, и специализировались эти свободные граждане исключительно на поимке беглых бесов. Мне доводилось видеть, как Пауки-ветераны орудуют сетями и утяжеленными боло, и зрелище произвело на меня неизгладимое впечатление. Нет уж... Мы – люди добропорядочные. Прямо, налево и направо... Абсолютно добропорядочные. И почти люди.

Мы уже успели пройти мимо высокого серого забора, как в нем родилась незаметная до того калитка, и оттуда высунулась кучерявая круглая голова, росшая прямо из необъятных плеч. Затем человек соизволил показаться целиком, и стало ясно, что это мужчина из края людей с Опаленным лицом. Одет он был – если это называлось быть одетым – в полосатые чужаки и набедренную повязку, бычьи хвосты которой свисали до колен. Смуглое гладкое тело лоснилось, и от чернокожего резко пахло дорогим ароматизированным жиром. Ценный, видать, слуга, дорогостоящий... скользкий небось...

– Скорой ночи тебе, Эль-Зеббия! – Женщина с лицом шута склонила голову в достаточно уважительном поклоне и проскользнула в калитку, жестом пригласив следовать за ней. Я кое-как протиснулся между шершавой стеной и торсом проклятого привратника, даже и не подумавшего остано-

рониться. Кажется, я не пришелся ему по вкусу. Мысленно я представил себя со стороны и одобрил вкусы стража.

– Скорой ночи тебе, о чернейший из Опаленных Эль-Зеббия! – провозгласил я как можно высокопарнее. – Скорой темной ночи... Всякое случается в ночи, и не все из случившегося устраивает таких бдительных людей, как ты, портя им цвет лица и пищеварение...

Привратник уставился на меня своими блестящими бу-
синами, косо пришитыми на складки его плоской физио-
номии. Я собрался было сделать еще какое-нибудь заявле-
ние, потому что ситуация стала меня раздражать, но Эль-
Зеббия внезапно ухмыльнулся, обнажив полный набор бело-
снежных принадлежностей для кусания и разрывания. Затем
он ткнул пальцем в мой нос, заставил меня проделать то же
с его бляхой и скорчил жуткую рожу, высунув мокрый тату-
ированный язык по меньшей мере на локоть.

Женщина за моей спиной прыснула и быстро прикрыла
лицо рукавом.

– Зебб сказал, – тут же посерьезнела она, – что двое сер-
дитых мужчин должны держать язык на привязи или засо-
вывать его...

– Я понял, – поспешно прервал я ее. – И благодарю за
полезный совет.

– Я рада, что вы понравились друг другу, – совершенно
не к месту заявила проводница. – Эль-Зеббия – отличный
страж ворот.

– Особенно таких узких ворот, – не удержался я и получил указание постараться быть серьезнее.

Я честно старался. Я серьезно шествовал по ухоженному роскошному саду через заросли гихских роз всех мыслимых и немыслимых оттенков, серьезно поднимался по мраморным ступенькам, понимая, что это отнюдь не парадная лестница; серьезно сидел в круглом зале, стены которого были выложены перламутровой плиткой...

Я был серьезен. Я сидел и ждал. Мне даже не было скучно. Вот уже почти два часа мне не было скучно. О небо, благодарю за щедрость!..

– ...Встань, раб. Встань и повернись.

Очень приятный голос. Настолько приятный, что смысл сказанного растворяется в нежном журчании, как льдинка в золотом кратере с вином, и горло, рождающее такие звуки, просто обязано быть прозрачным... Тонкое, хрупкое горло. Если сжать его обеими руками или хотя бы одной...

Я медленно встаю и оборачиваюсь. Крайне медленно и задумчиво, сохраняя на лице маску вежливого безразличия, годную почти на все случаи жизни. Дорогой дом, дорогой район, голос тоже дорогой, и раз я зачем-то понадобился всей этой дороговизне, то не стоит продавать себя слишком дешево...

Она была прекрасна. Она была настолько прекрасна, что я на мгновение забылся. Я пошел вокруг нее, мягко ставя ногу, вкрадчиво, пружиняще переливаясь с пятки на носок и

расслабив плечи – так ходит зверь вокруг самки или добычи, так ходят бесы по арене. Бледные розовые складки шелка, водопад пепельных волос с укрывшейся в прядях терракотовой диадемой... раннее утро, смазанные краски, полутона, легкая дрема, грезы в дымке... раннее утро с упрямым гордым взглядом суровой полночи...

– Он мне подходит, Зу Акила.

Богиня опустилась на край застланного ложа, не удостоив меня вниманием. И мне снова стало скучно.

– Эй, Акила! – намеренно грубо сказал я. – Чего хотят от неотесанного беса его повелительницы?! Или мне уже пора уходить? Тогда заплатите – и я закрою дверь...

Мутная, густая, горячая усталость обняла меня за плечи. Утренний бой, Харон, любопытный Пустотник, женщины эти с их проблемами... Да провалитесь вы все!.. Куда? Некуда...

Кормилица – в этом я уже не сомневался – подошла ко мне вплотную, и я уловил запах каких-то степных трав.

– От тебя ждут силы, бес. Твоей мужской силы, в чаду благовоний и в смятых покрывалах. А потом от тебя хотят легкого, незаметного Ухода в небо. Ты коснешься госпожи... Ты – бес. Ты – умеешь. Помоги чужому Праву...

Я улыбнулся, сделал еще два шага и приблизился к ложу.

– Женщины высших кланов любят красиво жить, – сказал я, нежно беря тонкую ручку моей ледяной дамы. – И умирать они любят красиво. Так, чтоб могучий бес, безмозглый са-

мец, без боли отпустил душу властительницы сердец, отпустил из тела, утомленного изысканными ласками... Чего не сделаешь от страсти и за немалые деньги? А потом найдется случайный прохожий с пристальным взглядом и болтливый язык, и Порченые жрецы, не задумываясь, подпишут приказ центуриону Пауков; и будет глупый похотливый бес дышать рудничной пылью в память ушедшей любительницы запретных извращений... о, любовь моя...

Клянусь, еще секунда, и я раздавил бы ей руку. Тиски сжимались все сильнее, и со странным удовольствием следил я за сменой выражений на ее лице. Властная уверенность, осознание боли, удивление, страх, ужас...

Акила опоздала. Я отпрыгнул одновременно с ударом кинжала – замечательной, кстати, работы вещица, с волнистым лезвием, с чеканкой по клинку... В общем, успел я, хотя мог бы и не суетиться.

– Я ведь бес, – усмехнулся я ощерившейся дикой кошке в набеленное лицо, искаженное яростью. – Надо знать, кого домой зовешь... и думать заранее. Подонки мы, чего греха таить...

– Он мне подходит, Зу Акила.

Второй раз слышал я эту фразу, и сейчас она была совершенно неуместной. Зу Акила... Иметь кормилицу из племени Бану Зу Ийй – уж лучше купить детям ручного скорпиона... Уйти или остаться?

– Он выдержал пробу. Объясни ему. И подай списки.

Зу Акила неслышно скользнула к стене, и под ее пальцами одна из плит отошла в сторону. Госпожа спокойно массировала вспухшую руку, и я почувствовал себя здоровенным твердолобым дураком. Прав был Эль-Зеббия у калитки...

– Ты умеешь читать?

– Умею.

Я действительно умел читать.

– Тогда читай.

Это были списки бесов Западного округа. Все школы, вплоть до самых мелких. Это были личные списки канцелярии Верховного Архонта, и мое имя там подчеркивалось дважды, а напротив стоял незнакомый мне знак: две окружности, жирно перечеркнутые крест-накрест. Я не стал даже спрашивать, что означают виденные мной пометки, потому что ничего хорошего они явно не означали. Ни одно имя из трехсот восьмидесяти четырех бесов не носило на себе следов внимания властей. Собственно, и не спросишь: вы случайно не в курсе, лар Архонт, за какие такие грехи меня ищет Пустотник, а вы в ваших досточтимых бумагах разрисовываете чистейшего Марцелла вдоль и поперек? Что-что, я плохо слышу вас, лар Архонт...

Я уже более трезво посмотрел на девушку. Прямой, породистый носик, чуть увеличенные скулы, губы полные, но в меру жестко очерчены...

– Зу Акила, одолжи мне один феникс, – сказал я.

Удивленная кормилица нехотя швырнула мне монету. Ах,

да ты прижимиста, старуха... Последнюю мысль я благоразумно решил не высказывать вслух.

Профиль в зубчатом обруче, вычеканенный на реверсе монеты, ответил на многие вопросы. Многие, но не главные.

– Ты дочь покойного Архонта, – уверенно заявил я. – Новый еще не чеканил своей монеты, и феникс выпущен в прошлом Цикле. Вторая дочь или третья, потому что старшая Реализовала свое Право на прошлых Играх. Я отлично помню это... А твоя очередь подойдет через месяц, на новых Играх Равноденствия. Поздравляю, высочайшая.

– Ты угадал, бес, – впервые девушка обратилась непосредственно ко мне. – Я дочь покойного Архонта. Меня зовут Леда. И ты угадал все, кроме одного. Я знаю, что любому из свободных это покажется отвратительным, да и тебе, вероятно, тоже... Хотя ты также прижат к стенке и поэтому подходишь мне. Возможно, я безумна, возможно, я – выродок. Но я не хочу...

Она отвернулась и решительно закончила:

– Я не хочу умирать.

Я опустился прямо на пол у ее ног и долго молчал, бездумно подбрасывая и опять ловя серебряный феникс.

– Не знаю, – наконец сказал я. – Я, бес, больше всего на свете хочу умереть. Ты, дочь Архонта, на пороге блистательного Права хочешь жить. И оба наши желания невыполнимы. Мне кажется, мы сумеем договориться.

Зу Акила, эта домашняя мегера, заплакала.

Приложение II

(Кодекс Веры, глава Сокрытого в листве)

- Истинный дух заключается в том, чтобы жить, когда правомерно жить, и умереть, когда правомерно умереть.*
- В делах повседневных помни о смерти и храни это слово в сердце своем.*
- Когда для выбора имеется два пути, выбирай тот, который ведет к смерти. Не рассуждай! Направь помыслы на избранный Путь и иди!..*
- Каждое утро думай о том, как надо умирать. Каждый вечер освежай свой ум мыслями о смерти.*
- Те, кто держится за жизнь, умирают. Те, кто не боится смерти, умирают тоже. Но делают они это по-разному.*
- Если одержимость смертью достигнута, остальные добродетели придут сами собой.*
- Нет у меня ни жизни, ни смерти. Осознание Права для меня и жизнь, и смерть.*

Заметки на полях

Когда слова вертятся на языке, толкаясь и отпихивая друг

друга локтями, — все они кажутся невероятно значимыми и ужасно нравятся сами себе. Но лист бумаги нейтрально бел, он такой плоский, этот хитрый лист бумаги, что стоит словам сбежать вниз по кончику пера и упасть на заснеженную равнину, как они намертво примерзают к ней, и становятся плоскими, и лишь уныло переругиваются со вздорными запятыми. Да и чьи они, эти слова, — мои? А кто такой он — тот, который есть Я?

Тот, который есть Я, сидит в данный момент на шатком трехногом табурете, в самом дальнем хранилище Зала Ржавой подписи; он сидит, прихлебывая густой остывший глинтвейн, тупо уставившись в чехарду давно знакомых страниц, и слушает самоуверенную болтовню того, который будет Я.

Этот самодовольный индюк — под индюком подразумевается тот, который будет Я, — так вот, он считает, что всего написанного как раз и не стоило писать. Тот, который будет Я, утверждает, что в подобном бестолковом и дилетантском изложении тот, который был Я, выглядит полным, хроническим, бессмертным и бессмысленным идиотом.

Тот, который есть Я, с ним полностью согласен. Он кивает головой, откладывает в сторону перо и вслушивается в шаги за дверью. Это приближается тот, который не Я; и он имеет свое, особое мнение, которое сводится к тому, что, будь он на нашем месте, он все сделал бы гораздо лучше. И из Харона он вытянул бы побольше информации, и к девушке отнесся бы гуманнее, и уж наверняка тот, который не Я, не

стал бы устраивать глупой клоунады в таверне...

– Бред какой-то, – бормочет себе под нос тот, который не Я. – Вывеска эта с «Огурцом»... Чушь и маразм!..

– Пусть чушь, – пытается сопротивляться тот, который есть Я, – пусть маразм... Но ведь было! Ведь правда!..

– Кому твоя правда нужна?! Сиди себе смирно, сопя в две дырки и не корчи из себя непризнанного гения!..

Кто это?! А... это тот, кем Я не буду никогда. У него есть дурацкая манера подкрадываться, прячась за стеллажи, а потом орать в самое ухо. Хамство, и больше ничего...

Те, которые Я, – мы встаем и прячем рукопись в шкаф. Завтра, завтра новые слова будут толкаться, ссориться, не догадываясь о своем неприглядном будущем. Эх, слова, слова – вы думаете, у нас по-другому?..

А вокруг угрюмо толпятся стеллажи, и мириады колышущихся листков с договорами шелестят высохшей мертвой листвой, и каждый лист уже начал сохнуть и желтеть, начиная с грязной ржавой подписи в правом нижнем углу...

**Глава 2,
написанная от третьего лица,
которое не до конца уверено в том,
что оно – именно третье, а также
это глава о съеденном яблоке и
выпитом чае; с приложениями
и заметками на полях**

1

Ночь гуляла по осиротевшим казармам. Всех бесов решили на три дня вывезти в лагерь за город, и целое утро во дворе торчали скрипучие деревянные повозки, бородатые погонщики кормили сонных волов и помогали грузить оружие и палатки, а большинство гладиаторов с седлами на плечах отправились к Медным воротам, за которыми начинались выпасы приписанного к школе табуна.

Но к вечеру осела пыль, а вместе с ней угомонились сплетни горожан о причинах столь неожиданного события, захлопнулись ставни на окнах, и в корпуса казарм вошла ночь. Сперва робко, а затем все увереннее... Вошла и осталась.

Вначале ночь долго валялась на аккуратно застланных

койках, перепробовав все до одной, после она немножко посидела за столиком дежурного ланисты, около часа бегала наперегонки со сквозняком по пустынным коридорам и наконец приблизилась к кухне, откуда доносились гул голосов, редкие удары и хруст костей.

В кухне горел свет, и это раздражало ночь. Буркнув что-то невнятное, она припала к замочной скважине и затаила дыхание.

У стола стояли три или четыре медных бака, доверху забитых бесстыдно голыми, освежеванными тушками кроликов. Рядом видны были несколько тазов, куда время от времени шмякался отрубленный кусок. Ночь присела на корточки, и угол обзора стал значительно шире. Кроме того, стало лучше слышно.

– А я тебе говорю, что сроду такого не случилось! До Игр три дня, а эти долдоны учения придумали! Кого учить-то?! Все равно ни «почек», ни свистунов дальше пролога не пустят... Верно я говорю, Кастор?!

– Оставь его, Харон. Сам знаешь, не ответит... Вон, кроля режет, и ладно... Старенький он...

У старенького Кастора было тело мраморной статуи, густая черная борода без единого седого волоска и гладкие руки юноши. Но все это великолепие как-то сразу уходило на второй план, стоило ему поднять голову и повернуться к собеседнику лицом. Создавалось впечатление, что голубые выцветшие глаза Кастора больше всего на свете ненавидят свое

прямое предназначение – смотреть, и их заставляют смотреть насильно. Бесы говорят о таких, что их зрачки затянуты паутиной вечности. Возможно, все это было лишь красивым жутковатым образом, но взгляд самого старого из бесов – Кастора – жил, подобно человеку на дыбе, хрипя и содрогаясь всеми вывернутыми суставами.

Ночь вздохнула, колыша ветки за окном, и устроилась поудобнее. Затем она подмигнула сквозняку, и эта продувная бестия так свистнула по коридору, что незапертая дверь скрипнула и наполовину приоткрылась. Сидящий у стола бес повернулся и прищурился в темноту. Бес был раскос, скуласт, в руке он держал вырванную кроличью печень, и вообще во всем его облике странным образом сочетались дикость и задумчивость. Этаким задумчивый дикарь, голый до пояса...

«Как его зовут?» – шепнула ночь подкравшемуся сквозняку.

«Марцел-л-л...» – прошелестел тот, и бес по имени Марцелл вздрогнул, отвернулся и швырнул кровоточащие потроха в отдельный таз.

– Не кипятись, Харон, – бросил он сидящему напротив ланисте. – Зачем зря слова треплешь... Все равно тебе на этих Играх с другим каркасом выходить. Твой в Южный округ переводят. А кто у нас сейчас свободен? Одни «ветки»... Трое из уголовного корпуса, Кастор вот, я, да еще рогоносцев пара-тройка... Так что сам понимаешь – Уход тебе обеспечен.

Ланиста ты классный, но – нет на нас ланисты... Так что все будет в порядке – под фанфары и буцины.

– Спасибо, Марцелл... – Харон улыбнулся через силу. – Только и тебя на эти Игры не поставят. Приказ вчера пришел на имя Претора. Велят тебя попридержать. Причин не объясняют. Так что отдыхай... отсыпайся...

Чувствовалось, что наигранность тона давалась ему с трудом. Марцелл пристально посмотрел на Харона и медленно вытер грязные руки полотенцем.

– Вот оно что, значит... А я, дурак... Берегут. Для чего берегут? С чьей подачи? Или наоборот...

– Ты не бойся, Харон... – Кастор внезапно проморгался и захихикал. Голос у него тоже оказался старческий. Дребезжащий, тоненький фальцетик. – Не бойся. Мы тебя и без Марцелла убьем. Хорошо убьем, грамотно. Спасибо скажешь. Потом...

– Скажу, Кастор, обязательно скажу...

Харон хотел было перегнуться через стол и потрепать Кастора по плечу, но сидевший между ними Марцелл неожиданно поднял над головой кусок мяса и изо всех сил ударил им по доске для разделки. Потом прислушался к родившемуся шлепку, лицо беса приобрело чудное растерянное выражение, и из горла вырвалось глухое рычание, похожее на рык тигра.

Он схватился за голову, застонал и принялся ритмично шлепать мясом по доске. Его била дрожь, по обнаженному

торсу пробегали судорожные сокращения, и глаза Марцелла, казалось, сейчас вылезут из орбит.

Сквозняку стало страшно. Ночь старалась крепиться, хотя ее и подмывало удрать куда подальше от этих сумасшедших двуногих, и когда Харон кинулся было к припадочному – рука Кастора вцепилась в его тунику и не позволила встать. Это глаза были старенькие, голос, а рука – ничего, крепкая рука...

Потом ланиста так и не мог понять: возникший за окном и заполнивший всю кухню шорох, шелест, шуршание – померещились они ему или нет?..

– Это его Зал зовет, – прошептал Кастор, и голос беса на этот раз оказался низким и глубоким, хотя и надтреснутым.

– Не мешай, ланиста... Отмеченный он. Скоро его Зал отпустит – тогда беги воду кипятить. Чаю ему надо, горячего... Ни сахара, ни меда – один чай, и покрепче. Давай...

Кастор разжал пальцы, ухмыльнулся и внезапно заорал варварски немзыкально, стараясь попадать в ритм Марцелловых ударов. Выскочивший за чаем Харон успел услышать только начало, нечто вроде:

В Зале Ржавой подписи
Бесы будут скот пасти,
Путь, ведущий к пропасти —
От края
До рая...

Сбитая с ног, ночь неслышно выругалась и пропустила тот момент, когда корчащийся Марцелл хрипло взревел и упал с табурета на пол. Кастор присел рядом, и страшен был в ту минуту его насилуемый взгляд.

– Продал душеньку, – бормотал полоумный бес, поглаживая потную Марцеллову шевелюру, – терпи теперь... Продал, продал, и я продал, и все – вот и маемся... дешево, совсем дешево, горсть минут взяли, и те с гнильцой... Зачем, зачем?... Нельзя так жить, нельзя столько жить!.. И не жить нельзя... Отдайте душу, не хочу, не подпишу, нельзя... В Зал иди, Марцелл, в Зал Ржавой подписи, иди – пока зовет... меня не зовет уже...

Марцелл вздрогнул и открыл глаза. Кастор склонился над ним.

– Ну что? – жадно прошептал Кастор, и губы его затряслись. – Что видел? Что?!

Марцелл приподнялся.

– Я спал, мадонна, видел ад...

Слова, рожденные беспамятством, странно прозвучали в пропитанной запахом мяса кухне. Марцелл выгнулся и потерял сознание.

В двери влетел Харон с узелком чая.

2

Ночь вышла во двор и присела на ступеньки. Гроза, ко-

пившаяся целый день, полыхнула несмелой молнией, и в разорвавшемся занавесе, у самых ворот, ночи примерещилась нелепая, невозможная фигура – будто песчаный варан встал внезапно на задние лапы и на плоской морде ящера застыло напряженное человеческое внимание... В следующее мгновение двор был уже пуст. Ночь прыгнула к забору, но на улице никого не было, если не считать случайного прохожего в блестящем синем плаще, уже свернувшего за угол.

Начался дождь. Ночь подумала и вернулась под крышу.

Приложение III

(Кодекс Веры, глава о Порче, раздел «Строения»)

XIV. 6. Строениями называются искусственно возводимые места обитания людей, содержания домашних животных, хранения любой собственности; постройки гражданского и культового предназначения, а также естественные природные образования, соответствующим образом подготовленные.

XIV. 7. Любое строение возводится с соблюдением положенной технологии, как-то: ритуальные щели для проникновения осадков и образования сквозняков, пропитка стро-

ительных материалов гнилостными мастиками, использование положенных пород дерева и стандартизированного кирпича, наличие в подвалах грунтовых вод и т. д., см. раздел «Порча: предпосылки и условия».

XIV. 8. Всякое строение, включая естественные природные образования, формируется таким образом, чтобы при оставлении строения человеком и прекращении непрерывного человеческого ухода покинутое строение немедленно вошло в перманентный цикл разрушения и по истечении срока от пяти до девяти лет пришло в полную непригодность. Использование брошенных строений карается в соответствии с существующим законодательством.

XIV. 9. Всякое строение не должно превышать уровня двух этажей наземных построек и быть полутора ярусов ниже фундамента. О храмовых молебных помещениях см. раздел «Исключения – как они есть».

XIV. 10. Нарушения любого пункта главы о Порче, раздел «Строения» влечет за собой пожизненное заключение в Казематы Входящих без подачи апелляции с одновременным лишением гражданства.

XIV. 11. Строения, созданные с отклонениями от существующих норм Порчи, подлежат немедленному уничтожению.

XIV. 12. Заявления Пустотников о нарушении норм Кодекса Веры рассматриваются советом Порченых жрецов в индивидуальном порядке.

Это был совершенно обычный стол. Длинный дощатый стол, без излишеств вроде гнутых ножек, лакированного панно или резьбы по кромке. И люди сидели за этим столом совершенно обычные – пожилые, разные, обремененные заботами и неурядицами, лысые, бородатые... И люди, и стол удивительно подходили друг другу. Простота, уверенность и спокойствие.

Первым справа сидел Архелай Тисский, Отец Строений. Его посох стоял поблизости, прислоненный к стене, и на набалдашнике тускло поблескивало стилизованное изображение циркуля – личный знак Строителя. От посоха ложилась узкая тень, конец которой упирался в грубые толстые подошвы башмаков – но уже не Архелая, а следующего, сидящего за ним. Чувствовалось, что этот человек прочно стоит на земле. Многие даже сетовали, что слишком прочно, но делали это незаметно, шепотом – и правильно делали.

Сидящего вторым звали Медонт Гуриец, и он был Отец Свободных. Именно людьми Гурийца устанавливались сроки Реализации Права каждого гражданина, в его канцелярии обсуждались форма и способ каждого заявленного Ухода, и подписи Медонта было достаточно, чтобы гордый аристократ распустил приглашенных, вылил заранее составленный яд и отправился под присмотром в загородное имение –

жить дальше, в горечи и позоре. Лишь Реализовавший свое Право уходил из сферы влияния Гурийца, чье слово заканчивалось на пороге этого мира; уходил, но напротив Медонта за столом сидел третий человек, и даже ушедший в небо не мог пройти мимо него.

Брат Ушедших, сгорбленный, высохший Эвпид из Зама... Брат – ибо назвать себя Отцом Ушедших не осмеливался никто. Но костлявая, покрытая синими венами рука Эвпида дотягивалась подальше, чем любая другая. Она дотягивалась до смерти, позорной или почетной смерти, и мертвой хваткой брала небытие за глотку. Установка или публичный снос именного жертвенного камня, приношение венков или наложение клейма на место захоронения, запрет на вознесение родовых молений – и это далеко не полный перечень... Когда немощная фигура Эвпида появлялась в коридорах канцелярии Медонта, – все служащие не сомневались, что чьи-то родственники до третьего колена по обоим родительским линиям надолго задержатся на земле... У локтя Эвпида лежал его медный жезл в виде молнии, оканчивающийся растопыренной пятерней с аккуратно заостренными ногтями, покрытыми серебристым лаком. Эвпид из Зама все время придерживал жезл, словно опасался, что сосед его предпримет попытку украсть символ, – но сосед сурово молчал, и неподвижность его была сродни покою ночного утеса.

Незачем зариться на чужой жезл Ктерию Бротолойгосу, Отцу Вещей. Неинтересны ему люди – ни живущие, ни ушед-

шие, никакие... Вещь – сотворенная или приспособленная – вот что способно нарушить покой Бротолойгоса, и если будет усмотрено несоответствие вещи тому, что гласит Кодекс Веры, – горе создателю неположенного!.. Тут уж слово Ктерия имеет последний вес. Промолчат тогда и Архелай, и Медонт, и Эвпид, потому что тяжел знак Бротолойгоса, Отца Вещей, – свинцовый гладкий шар, подобный гире, что кладут на весы торговцы. Только здесь весы иные...

И, словно услышав невысказанное, зашевелился силуэт на дальнем конце стола... Распахнулась серая грубая накидка, и знак Весов блеснул на груди Мердиса Фреода, Пастыря Греха. Тот грешник, за кем захлопывались двери Казематов Входящих, вычеркивался из мира; не строил он зданий, не делал вещей, не жил, не умирал... Слеп был Мердис, с самого рождения слеп, всегда выбирался Пастырь из незрячих, потому что не видят глаза человеческие греховных помыслов. Внутренний взор нужен избранному, безошибочный, бесстрастный – тот взор, что ни разу не видел мира этого, но сравнивал сделанное с высшим законом. И не выдерживал никто взгляда слепых, белых глаз Мердиса Фреода, Пастыря Греха.

Молчание сидело за столом Совета, тяжелое, гнетущее молчание, и кто-то должен был начать первым.

– Да. – Волосатый кулак Медонта Гурийца опустился на стол, и не покрытая скатертью поверхность вздрогнула и мелко затряслась. – Да, он не принадлежит к числу свободных граждан, выходя тем самым из моей компетенции, он не

нарушил чужого Права, но... Да. Я отдаю его.

Начало тем самым было положено. Пришло время говорить.

– Да, – голос Архелая Тисского звучал ровно и размеренно. – Он не нарушал закон строений, он вообще никогда ничего не строил, живя в построенном другими, но я жертвую малым во имя большего. Я отдаю беса по имени Марцелл в распоряжение Пустотников.

Эвпид из Зама любовно погладил свой жезл, и пламя свечей отразилось в гранях молнии и лакированных ногтях руки.

– Да.

Голос Эвида шелестел чуть слышно, и сидящим приходилось вслушиваться в каждое слово. Но больше слов не было. Да – и все. Бесы вечны, они не уходят в небо, и Брат Ушедших единственным словом отдавал ничтожество, тлю – как его зовут?... ах да, Марцелл... – отдавал беса Пустотникам.

– Нет, – сурово выпрямился Ктерий Бротолойгос. – Я Отец Вещей, а не людей, но даже вещи не ломают просто так, подобно неразумным младенцам. Пустотник утверждает, что он говорит с нами от имени Зала Ржавой подписи... Пусть так. Это тяжелое слово. И все равно я говорю – нет.

И Ктерий высоко поднял свой свинцовый шар.

Все повернулись к Мердису. Что скажет Пастырь Греха? И долго еще ждали они, пока Мердис всматривался в неви-

димое...

Мердис не сказал ничего. Он молча кивнул.

И тогда из угла вышел незаметный до того худой человек в синем блестящем плаще.

– Спасибо, – сказал Пустотник с какой-то легкомысленной иронией. – Как я понял, почтенный Совет Порченных жрецов большинством голосов отдал в мое распоряжение беса Западного округа по имени Марцелл. Еще раз благодарю отцов. За соответствующими бумагами я зайду завтра. Или послезавтра. Куда спешить?..

Он улыбнулся, и Порченным на миг показалось, что лицо Пустотника удлиняется и становится плоским, приплюснутым, глаза сдвигаются назад, к острому гребню на чешуйчатой макушке, и улыбка становится оскалом алой пасти...

Пустотник развел руками, поклонился и вышел. Порченные жрецы долго разглядывали захлопнувшуюся дверь.

– Мы отдали беса зверю, – разлепил высохшие губы слепой Мердис. – Возможно, мы, люди, имеем на это право. Я говорю – возможно, но... Что скажут остальные?

Остальные не ответили.

4

– ...И никто из них не вернулся назад, чтобы рассказать оставшимся о скрытом за облаками, и ветер занес горячим песком следы безумцев, что уходили за ответом... Спи, де-

вочка моя, спи, поздно уже...

Лар Леда – нет, сейчас просто сонная, теплая Леда – свернулась уютным клубочком, обеими руками обхватив подушку, и тихо дышала, зарывшись носом в пуховую белизну изголовья.

Зу Акила склонилась над спящей, поправляя сползшее одеяло, и лицо ее в это мгновение было удивительно мягким, грустным и домашним. Кормилица смыла на ночь свою обильную косметику, и на впалых щеках резко проступили ритуальные шрамы, положенные при инициации любому человеку Бану Зу Ийй... Она неожиданно вспомнила обряд, вспомнила колдуна племени, когда он наносил первый разрез, вспомнила его слова... «Помни, дочь пустыни, во имя чего бы ни текла кровь человеческая – течет она одинаково!...» Красная капля упала ей на ладонь, она слизнула ее, ощутив солоноватую горечь, и нож прочертил вторую борозду на юной, шелковистой щеке. Во второй раз ей было больно.

«Не забывай эту боль, становящаяся взрослой, помни, боль можно выплеснуть, но можно и проглотить... Боль скрытая отравляет человека, а вырвавшаяся наружу – отравляет мир, и он переполняется криком, болью, смертью... глубока чаша, но хлынет через край, и...»

– Зря... зря я рассказывала тебе наши сказки, – прошептала Зу Акила, гася стоявшие у изголовья свечи. Она брала горящий фитиль легко и свободно, словно огонь не жег

ей пальцы, и пламя послушно умирало от прикосновения. — Зря. Тебе бы про родных, городских рассказать, про бесов да Пустотников, про Порченого Клития и войну с Постройками... Только не знала я их тогда, а сейчас знаю, да поздно уже...

О небо, думала старая Зу Акила, о выгоревшее небо песков Карх-Руфи, как же быстро ушли вы, братья и сестры мои! — как оранжевые язычки ночных свечей, ушли вы с рассветом, превратившимся в закат... Зачем, зачем вкусили вы, гордые наивные дети, горечь и сладость чужой веры; зачем приняли на плечи свои бремя Права, Права на смерть, зачем?! Как же оказалось просто, как заманчиво — понять, что ты свободен, тем, что можешь уйти!.. Уйти от страха, от боли, уйти от врага и от тоски, снять ярмо и рассмеяться жизни в лицо... чужая вера, блестящая, подобно стеклу фальшивых бус, и не догнать, не окликнуть...

О небо, думала старая Зу Акила, о горбатое небо оазисов Сарз и Уфр, где же вы теперь, осколки кувшина Бану Зу Ийй, узнавшие о свободе выбора и не удержавшиеся, не сумевшие остановиться... где вы, и неужели я последняя?!.

О небо, думала старая Зу Акила, о скрытое крышами небо города, зачем ты заставило меня вложить в эту спящую девочку горькие сказания песков, где жизнь зубами рвет призрак смерти, а не превращает разложение в возвышение?! О подлое небо, если здесь — пресно и серо, а там — ярко и празднично, то почему никто не вернулся похвастаться или

хотя бы подтвердить?!

Жизнь уходит из рук, надвигается мгла,
Думала старая Зу Акила,
Смерть терзает сердца и кромсает тела...
Возвратившихся нет из загробного мира,
У кого бы мне справиться – как там дела?..

Мудр был дряхлый колдун, слова его резали душу, оставляя памятные шрамы, и кормилица бредила сейчас один из таких рубцов – три дня пути от Медных ворот до Сифских источников, потом в направлении тени, отбрасываемой скалой у заброшенной стоянки; еще день, и еще, мимо развалин, через Великий Масличный перегон, и дальше, дальше – до того скрытого от недобрых глаз оазиса, где доживал свои годы последний колдун умершего народа, и дожил, и умер...

Спи, девочка моя... Завтра вечером купленный погонщик будет ждать за воротами, и опальный бес Марцелл перекинет сумки через спину жующего нара, и я не позволю пылинке сесть на тебя, пока мы не войдем в забытый уголок, где ты будешь жить, не ожидая ритуального Ухода, которому завидуют многие из опьяненных Правом...

Кормилица раскачивалась из стороны в сторону в чуткой старческой дреме, и все ей казалось, что городские ворота остались позади, а бес Марцелл горячит коня, вырываясь вперед, и что-то кричит, улыбаясь...

Приложение IV

(Кодекс Веры, глава о Порче, раздел «Вещи»)

XV. 3. Вещью называется любой предмет – или совокупность предметов, – произведенный путем человеческого труда и используемый человеком в его жизнедеятельности.

XV. 4. Целевое назначение предмета (или совокупности предметов), его функции и внешняя структура образуют так называемую категорию «вещности», отличающую вещь от предметов бессмысленных и бесполезных.

XV. 5. Всякая вещь, независимо от функции и назначения, обязана функционировать исключительно за счет мускульной силы человека или животного (см. раздел «Вещность: суть и корни»).

XV. 6. При отсутствии внешнего мускульного воздействия всякое функционирование вещи должно прекратиться, что обязано быть изначально заложено при создании или первичном использовании любой вещи.

XV. 7. Всякая вещь, функционирующая за счет каких бы то ни было иных воздействий или сил природы, как то: энергия воды, огня, ветра, пара, солнца, давления и т. п. – всякая такая вещь подлежит полному незамедлительному уничто-

жению.

XV. 8. Создание вещей, существующих за счет вышеперечисленных сил и явлений и способных длительный срок функционировать без присутствия человека, карается заключением создателя в Казематы Входящих без подачи апелляции.

XV. 9. Предмет или совокупность предметов, входящие в категорию «вещей», в случае самостоятельного существования вне зоны человеческого влияния обязаны саморазрушаться до полной потери категории «вещности» за положенный в каждом отдельном случае срок.

XV. 10. Заявления Пустотников по поводу вещей рассматриваются советом Порченных жрецов в индивидуальном порядке.

5

Добровольно сюда не явился бы я,
И отсюда уйти не стремился бы я.
Я бы в жизни, будь воля моя,
не стремился
Никуда. Никогда. Не родился бы я.

Гиясаддин Абу-л-Фатх Хайям
ан-Нишапури

Рассвет был не за горами. То есть буквально он был как раз именно за горами, за спящими массивными вершинами Ра-Муаз; он еще находился там, этот мутный измученный рассвет сегодняшней ночи, но его приближение уже чувствовалось во всем.

В зале Совета пахло предутренней сыростью, и Медонт Гуриец стоял у окна, с наслаждением вдыхая влажный эликсир, несущий облегчение уставшему сознанию. Впереди ждал день, трудный насыщенный день Отца Свободных, и к нему следовало подготовиться. Вот он и готовился, позволяя себе хрупкую паузу, минуту ненадежного отдыха и покоя.

Все давно разошлись, и лишь Пустотник продолжал сидеть в своем углу, подбрасывая и снова ловя невесть откуда взявшееся яблоко. Краем глаза Гуриец видел мерно взлетающий красный шар, неизменно опускавшийся в подставленную руку, – и это раздражало его. Кроме того, с рукой Пустотника тоже что-то было не в порядке, но что именно – рассмотреть не удавалось. Тяжелая ночь, да и день начинался не лучшим образом...

– Послушайте, – резко начал Медонт, и ему пришлось подождать, пока кашель отпустит сразу вздувшееся горло. – Послушайте, вы не могли бы перестать?... И потом... Вы у нас человек... э-э-э... новый, и я не спрашиваю у вас, ку-

да столь неожиданно исчез ваш предыдущий коллега, но все же позвольте полюбопытствовать – как вас зовут? Неудобно, Пустотник да Пустотник...

– Неудобно, – подтвердил Пустотник, вгрызаясь в пойманное яблоко. – Я у вас человек новый...

Даже с набитым ртом ему удалось сделать насмешливое ударение на слове «человек», которое Гурийцу далось не сразу.

– Предыдущий мой коллега отправился... э-э-э... в длительную командировку, равно как и предпредыдущий. У нас это часто случается. А имя... Ну что ж, зовите меня Даймон. Пустотник Даймон, если вам так будет удобнее.

Медонту имя не понравилось. Было в нем что-то такое... растаское...

– Хорошо. Я буду звать вас Даймон, пока и вы не отправитесь в длительную командировку. А теперь скажите мне, Даймон, – чего в данный момент вы хотите больше всего?..

Водилась за Медонтом такая привычка – ошарашить, сбить с толку нелепым на вид, неуместным вопросом; и пока жертва судорожно подыскивала подходящий ответ, Отец Свободных прохаживался по комнате и утверждал потом, что эти минуты стоят дороже часов допроса.

Брови Пустотника поднялись, но не изумленно, а скорее иронически – да и поднялись они чрезмерно высоко, так что лоб весь пошел морщинами и складками, и даже уши зашевелились, заостряясь сверху...

– Я? Ну, если не считать того, что я хочу еще одно яблоко...

Только тут Гуриец заметил, что Пустотник Даймон уже успел слопать свое драгоценное яблоко – даже огрызка не оставил, семечки – и те исчезли!.. – и теперь неудовлетворенно озирается по сторонам. Хитрющие глазки его, глубоко посаженные и забывающие мигать, время от времени останавливались на Медонте, отчего Отец Свободных, Порченный жрец пятого поколения, член Совета и так далее, начинал себя чувствовать чем-то вроде яблока, еще не съеденного, но уже подбрасываемого...

– Так вот, я очень хочу, чтобы вы оказали мне одну небольшую услугу. Мне нужен пергамент с вашей подписью, где будет разрешение на задержание одной особы.

– Это не ко мне. – Медонт был рад, что может хоть чем-то досадить этому скользкому типу с глазками ящерицы. – Я не выписываю ордеров на арест. Это к Мердису.

Пустотник был несказанно удивлен. Рука его выскользнула из складок плаща, и Гуриец наконец увидел, что у Даймона отрублен правый мизинец, отчего кисть кажется скрюченной и узкой, подобно ороговевшему когтю. И кожа шелушится...

– Разве я сказал – на арест?! Прошу прощения! Задержание, всего лишь задержание одной известной вам особы до выяснения обстоятельств, связанных с бесом по имени Марцелл!.. Мелочь, пустяк...

– И что же это за особа? – вяло поинтересовался Медонт.

– Это дочь покойного Архонта, младшая жрица второго разряда лар Леда Клития...

– А-а-а... – протянул Гуриец, и ему неожиданно пришло в голову, что сегодняшний рассвет никогда не наступит и будут они вот так сидеть и перебрасываться пустыми фразами... яблоки жевать... – Зачем она вам, Даймон? Через день-другой – Игры, и толпа съест и вас, и меня, если лар Леда не Реализует перед началом положенное ей Право. Я полагаю, что дамы уже сооружают прически в манере Уходящей...

– Мне она нужна сегодня днем, – жестко заявил Пустотник. – В крайнем случае вечером.

И негромко добавил:

– Именем Зала Ржавой подписи...

Сперва Гуриец подумал, что в комнату заползла змея – таким тоном прошипел Даймон последние слова. Нет, две, три змеи... сотня, тысяча змей... и робкий вначале шелест наполнил помещение, шепот, шорох, грозный, сухой, и застывший Медонт почувствовал, как он растворяется, поглощается этим шуршащим тлением, из него высасывают душу, мысли, имя, и он распадается, тщетно пытаясь крикнуть, позвать, завывать...

Когда все прошло, он молча достал из сумы чистый пергамент, подписал его и протянул серьезному и хмурому Пустотнику. Тот спрятал документ в складки плаща и отвернулся. Похоже, он тоже чувствовал себя не лучшим образом.

– За что? – хрипло спросил Медонт и закашлялся. – За что вы ее? Ведь ребенок совсем...

– Этот ребенок, по моим сведениям, не хочет...

Пустотник приблизился к недвижному Отцу Свободных и шепнул ему на ухо пару слов.

– Если это правда... – Медонт отвернулся к окну, с трудом оторвавшись от прозрачного взгляда Даймона. – Если это правда, то вам такой образ мыслей должен казаться особенно омерзительным.

Пустотник задумчиво почесал щеку своим когтем и внезапно ослабил, растянув рот до ушей. Медонт вдруг отчетливо представил, как его голова скрывается целиком в этом ухмыляющемся провале...

– Вряд ли, – доверительно сообщил Пустотник. – Постарайтесь понять меня правильно, дорогой Медонт, но я ее понимаю. Не оправдываю, не осуждаю – понимаю. Вполне...

– Ну еще бы. – Горло Гурийца заклокотало отголоском древней, тщательно скрываемой ненависти. – Еще бы... Ведь вы не человек!

Пустотник улыбнулся одной половиной лица, отчего улыбка получилась комической и страшной одновременно. И грустной. Очень грустной.

– Вы не правы, – тихо ответил Пустотник Даймон. – Я человек. Просто я больше, чем человек. Я еще и зверь. И как зверь, я ее понимаю тоже.

...Этой ночью у Марцелла был еще один приступ. Он начался перед самым рассветом, в комнату никто не входил, да и прошел припадок легко и без особых последствий. Волна захлестнула беса незаметно, почти ласково, и в ее расплескавшемся шорохе прозвучал обрывок странно знакомой фразы:

– Именем Зала Ржавой подписи...

А потом было лицо, и были слова:

– Уток, вышитых на ковре, можно показать другим. Но игла, которой их вышивали, бесследно ушла из вышивки...

И еще:

– Мицу-но кокоро... мудзе-кан, сэмпай...

И еще:

– Ведь некоторые не знают, что нам суждено здесь погибнуть. У тех же, кто знает это, сразу прекращаются ссоры.

– Ос, сихан, – сказал тот, которого будут звать Марцеллом.

И поклонился.

Заметки на полях

Тот, который есть Я, заболел. Ломило виски, в глаза засыпали песок арены, ноги казались ватными и категорически

отказывались ходить. Было плохо. Было очень плохо. Никто не хотел умирать. Тот, который есть Я, не хотел умирать тем более. Тот, который был Я, умереть хотел, но сейчас ему было не до того.

– Шелестит, проклятый... – бормотал тот, который есть Я, едва шевеля потрескавшимися губами. – Замолчи, паскуда, не трави душу!.. Душу... Ха! Сам же забрал, душонку-то мою, высосал, выхлебал и теперь снова из меня тянешь... Не сходится! Не сходится что-то!.. Не бывает так – не должно...

– Не бывает, не бывает, – кивал тот, который был Я, взбивая смятую подушку и сокрушенно поглядывая на остальных. – Конечно, не бывает... Все тебе примерещилось, почудилось... и я тебе почудился, и Зал, и жизнь, и не-жизнь... Ты только выздоравливай скорее, хорошо? – и все будет по-другому...

Тот, который есть Я, не слышал тихих участливых слов. Тот, который есть Я, метался в жестких простынях, и все ему казалось, что он разрастается, распухает, и ноги его исчезают в черных искрящихся глубинах, и нет у него больше ног, и нет рук, и нет ничего, кроме жара и отчаяния...

– Шелестит, проклятый... Лесом прикидываешься?! Морем?! Врешь, сволочь, не обманешь, бумага ты мертвая, взбесившаяся... Смерть забрала – и жить не даешь?! Дашь, дашь, никуда не денешься, никуда... Хатису-но цую... таносими ва... Ос, сихан! Ос!.. Не отпускай меня, учитель! Не отпускай, удержи!.. Слышишь, Зал? Подавись моей подпи-

сю...

Те, которые не Я и будет Я, огорченно вздыхали и подсыпали в заварившийся чай остро пахнущие травы, добавляли мед и лимон, переглядывались, вливая в чашку прозрачную жидкость с резким пьянящим ароматом.

– Бредит, – кивал головой тот, который не Я. – Горит, бедняга...

– Да уж, – уныло моргал тот, который будет Я, ставя чашку на глянцевое блюдце, – точно, бредит... Слишком много нас... Был, есть, буду, не буду... Нельзя одному столько-то...

И испуганно умолкал, оглядываясь на стеллажи с договорами. Мало ли...

– Глупости городите, – бурчал в углу тот, кем Я не буду никогда. Ему тоже было не по себе, но он старался крепиться. – Глупости городите и не поморщитесь... Писать ему не надо было, вот что! Главу эту дурацкую... Где ж это видано, чтоб о себе да от третьего лица?! Что ж это за лицо такое – третье?! Ну, первое, понятно – Я, второе – ты... Эй, ты, ты чай не разливай, не напасешься на вас, на нас то есть!.. А третье, значит, он... Что за он? У нас есть хоть один он?! Вроде нету... Или того хуже – она... оно... Вот оно и аукнулось! Не слушаете меня, умные все стали, хамят постоянно... Господи, как там тебя, вылечи его, ведь не можем больше!..

Жизнь билась в горячке, жизнь плакала в углу, жизнь лихорадочно поила себя чаем, расплескивая кипяток на промокшее белье, – а вокруг нависала не-жизнь, и стеллажи

угрюмо толпились возле постели, и мириады листков с договорами шелестели умершим лесом, шуршали высохшим морем, шептали сорванным голосом; и на каждом листке ржавым бурым пятном выделялась подпись. Где – четкая и разборчивая, где – сбивчивая и корявая, но везде – подпись, имя, судьба... засохшая кровь человеческая...

Глава 3, которая просто глава, что никак не унижает ее достоинства

1

Перед рядовым Паучьей центурии Анк Пилумом стояла большая проблема. Она стояла, ехидно поглядывала на унылую физиономию рядового, хихикая самым гнусным образом, и категорически отказывалась уходить. Все дело заключалось в том, что у Анк Пилума на большом пальце правой ноги вырос непомерно длинный ноготь. Он рос себе и рос, пока не уперся в передок тесной форменной сандалии, потом ноготь загнулся и стал царапать чувствительное тело несчастного рядового, поставив своего владельца перед выбором: растянуть сандалию или срезать проклятый белесый ноготь, плоский и загнутый, как пыточный инструмент.

Рядовой Анк Пилум оглянулся вокруг себя и сокрушенно вздохнул. Часовому у ворот центурии из всего резательного оружия полагался лишь символический двухметровый бердыш, тупой и неподъемный, как и сам Анк Пилум; и рядовой пять минут назад уже пытался срезать им ноготь. Теперь он грустно сидел, привалясь к забору, и в третий раз пере-

бинтовывал полутрубленный палец, что, конечно, не решало проблемы в целом.

Бесформенная тень проползла по песку и остановилась, упираясь верхним краем в злосчастную конечность. Затем тень помедлила и передвинулась чуть левее.

– Болит? – участливо осведомилась тень.

– Угу, – расстроено кивнул Анк Пилум, не поднимая головы. – Еще бы не болеть... У вас тряпочки не найдется? Лишней...

– Сожалею, друг мой, но у меня нет ни одной лишней тряпочки, – ответила тень, лениво удаляясь по направлению к корпусу центурии. – Но я пришлю кого-нибудь...

Тут только до рядового дошло, что все происходящее вопиюще противоречит любым параграфам Устава. Он, Анк Пилум, ответственный часовой, должен стоять, когда он сидит; а пришлая тень вместо того, чтобы остановиться в положенных четырех шагах от него... Анк Пилум представил себе выражение того, что называлось лицом центуриона Анхиза, когда тень попросит у него тряпочку для часового Пилума, раненного при исполнении...

Думать быстро Анк Пилум никогда не умел, за что нередко бывал бит, но, обдумав все тщательным образом, действовал решительно и напористо – хотя и запоздало.

– Стой, рубить буду! – заорал он, вскакивая и пытаясь не переносить вес на недозамотанную ногу.

Тощий бродяга в синем блестящем плаще немедленно

остановился и с любопытством стал разглядывать рядового, тщетно пытавшегося придать себе воинственный облик.

– Кого? – поинтересовался синий плащ.

– Что – кого? – недоверчиво переспросил Анк Пилум, судорожно припоминая недоученный Устав.

– Кого рубить-то будешь? И чем?

– Тебя... – неуверенно протянул рядовой. – Вот этим...

И указал на валявшийся у забора бердыш.

Синий плащ вернулся, поднял оружие и ногтем попробовал заточку.

– Нет, – с полным знанием дела заявил синий. – Этим рубить нельзя. Даже меня...

– Так больше ж нету ничего... – горестно вздохнул Анк Пилум. – Не дали...

Бродяга присел рядом с рядовым и ободряюще потрепал того по плечу своей куриной лапой.

– Давно служишь?

– Давно, – шмыгнул носом рядовой, – две недели скоро... Из Закинфа мы. Рекрутские наборы... Кого на Казематы, кого – еще куда, а меня в Пауки, значит... Узлы я хорошо вяжу. Любые...

– Узлы – это дело, – ободряюще закивал бродяга, отчего шея его собралась в многочисленные складки. – Узлы нам нужны... Давай я тебе палец забинтую как положено, а после ты сходишь к центуриону Анхизу и скажешь...

– Не дойду я, – всхлипнул Анк Пилум, расслабленный чу-

жим сочувствием. — А дойду, так лар Анхиз мне в рожу — за несоблюдение и дурость...

Бродяга встал и повернулся лицом к корпусу центурии, на втором этаже которого были открыты два крайних окна.

— Эй, Анхиз! — неожиданно завопил бродяга дурным голосом. — Анхи-из! Выгляни на пару слов! Осчастливь зовущего! Анхизушка-а-а!..

В окне появилась встрепанная голова, и рядовой Анк Пилум с ужасом понял, что лар Анхиз спал и в разбуженном состоянии ничего хорошего от него ждать не приходится.

— Слушай, Анхиз, если я к тебе этого парня пришлю, — надрывался между тем бродяга, — что ты ему сделаешь?

— В рожу двину, — не задумываясь, пообещал центурион Анхиз, протирая заспанные глаза. — Чтоб не будил.

— Так ты ж уже не спишь! — засмеялся бродяга, и нахальство прямо-таки проступило из всех пор на его сплюсненной ухмыляющейся физиономии. — Значит, и повода не будет...

— Будет, — не согласился упрямый Анхиз. — Ты погоди его присылать. Лучше я сам спущусь, и тогда повод обязательно найдется.

Рядовой Анк Пилум удрученно засопел, и бродяга вновь расхохотался, садясь на корточки и ловко бинтуя поврежденную ногу, словно всю жизнь только и занимался лечением нерадивых часовых. За этим занятием их и застал спустившийся центурион, на ходу застегивающий многочисленные

пращки своей форменной амуниции.

Бродяга оторвался от перевязки, сунул клешню за пазуху, извлек оттуда скрученный в трубку лист бумаги и многозначительно помахал им в воздухе.

– Кто подписывал? – осведомился Анхиз, почесывая волосатую грудь, уже начинающую сесть.

– Медонт, – немедленно ответил бродяга.

Рядовой Анк Пилум отодвинулся в тень забора, стараясь не привлекать к себе внимания, и подумал, что бродяга ведет себя как-то странно. До того эта мысль почему-то не приходила ему в голову. Или приходила, но заблудилась и только сейчас выбралась к месту назначения. Поздно, наверное...

– Я беса брать не пойду, – задумчиво покачал головой Анхиз. – У меня все Пауки в разгоне. Предупреждать надо. Заранее... Из ветеранов человек пять-шесть, три метателя и эти...

Он махнул рукой в сторону скорчившегося рядового. Махнул пренебрежительно, но с некоторой симпатией.

– И этих, рекрутов необученных, дюжина... Их учить да учить, а обкатанный бес две трети угробит, пока свяжем. Право Правом, а зря людей губить не дам. Ни сырых, ни прочих.

– Брось труситься, – жестко сказал бродяга, облизывая пересохшие губы. Язык у него был длинный и узкий. – Женщину брать будешь. Дочь Архонта, жрицу Леду. Из охраны – кормилица да чернокожий у задних ворот. Но ветеранов

возьми. Мало ли...

– А беса там не окажется? – с сомнением в голосе поинтересовался Анхиз. – Случайно... Иначе чего ты ко мне пришел, а не к Блюстителям? По старой памяти? Прошлый Пустотник присоветовал?

– Беса не окажется. Но может оказаться. Улавливаешь разницу? И к тому же... Хочу, чтоб присмотрелся ты... До завтра – нет, до послезавтра – у тебя все сползутся? Подумай...

– Кто? – Центурион поправил сползший ремень поножа на левой голени. – Имя? Округ?

– Марцелл из Западного. С разрешения Совета. Бумаги пришлют с нарочным.

– Это который?.. – начал было центурион, но замолчал, видимо, что-то припоминая и прикидывая. – Соберутся, – наконец сказал он. – Тут многих собирать придется. Но – возьмем. Что еще?

– Все, – сказал бродяга. – До вечера все.

...Центурион застыл в воротах и долго глядел вслед ушедшему. Осмелевший Анк Пилум подковылял к нему и встал за спиной.

– Разрешите обратиться?

– Валяй, – буркнул нахмуренный Анхиз.

– Кто это был?

– Это? Деревня ты... Это Даймон. Новый окружной Пустотник. Они к нам частенько заходят. По делу...

– А-а-а... – испуганно закивал рядовой, остолбенело ко-

сясь на собственную забинтованную ногу. – Демон... Ясно...
– Да? – равнодушно спросил Анхиз. – Вы их так называете?..

2

*Рыба утку спросила: «Вернется ль вода,
Что вчера утекла? Если да – то когда?»*

Утка ей отвечала:

*«Когда нас поджарят,
Разрешишь все вопросы сковорода».*

*Гиясатдин Абу-л-Фатх Хайям
ан-Нишапури*

3

Я опоздал. Целый день мне было не по себе, я никак не мог дожидаться уговоренного часа и не дождался, ноги сами принесли меня к знакомому забору, знакомой калитке – и все же я опоздал.

Позднее я часто размышлял над тем, что могло бы случиться, приди я вовремя. Возможно, Пауки изловчились бы уволочь спеленутого Марцелла куда положено. Возможно, я сумел бы пробиться и ушел бы в бега, так и не столкнувшись с Пустотником Даймоном лицом к лицу. Или мы встретились бы с ним посреди улочки, где пыль к тому времени

успела бы скататься в кровавые шарики, — и то, что произошло потом, на арене, состоялось бы сразу, а конец мог бы оказаться совсем иным...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.